

«Сейчас я буду говорить неправду, нам нужно записать видео». Монологи учителей, уехавших из России

Анна Боброва

<https://te-st.org/2022/08/25/anti-war-teachers/>

Статья обновлена 29 мая 2023

После 24 февраля в российские школы поступили методические материалы для обязательных патриотических уроков, оправдывающих вторжение России на территорию Украины. Многих учителей вынудили участвовать в агитации и предоставлять доказательства своей лояльности, например, фотографии учеников с военными символами. Теплица поговорила с учителями, не согласными с войной, которым пришлось уехать из страны и оставить учеников и свои школы.

[Посмотреть эту публикацию в Instagram](#)

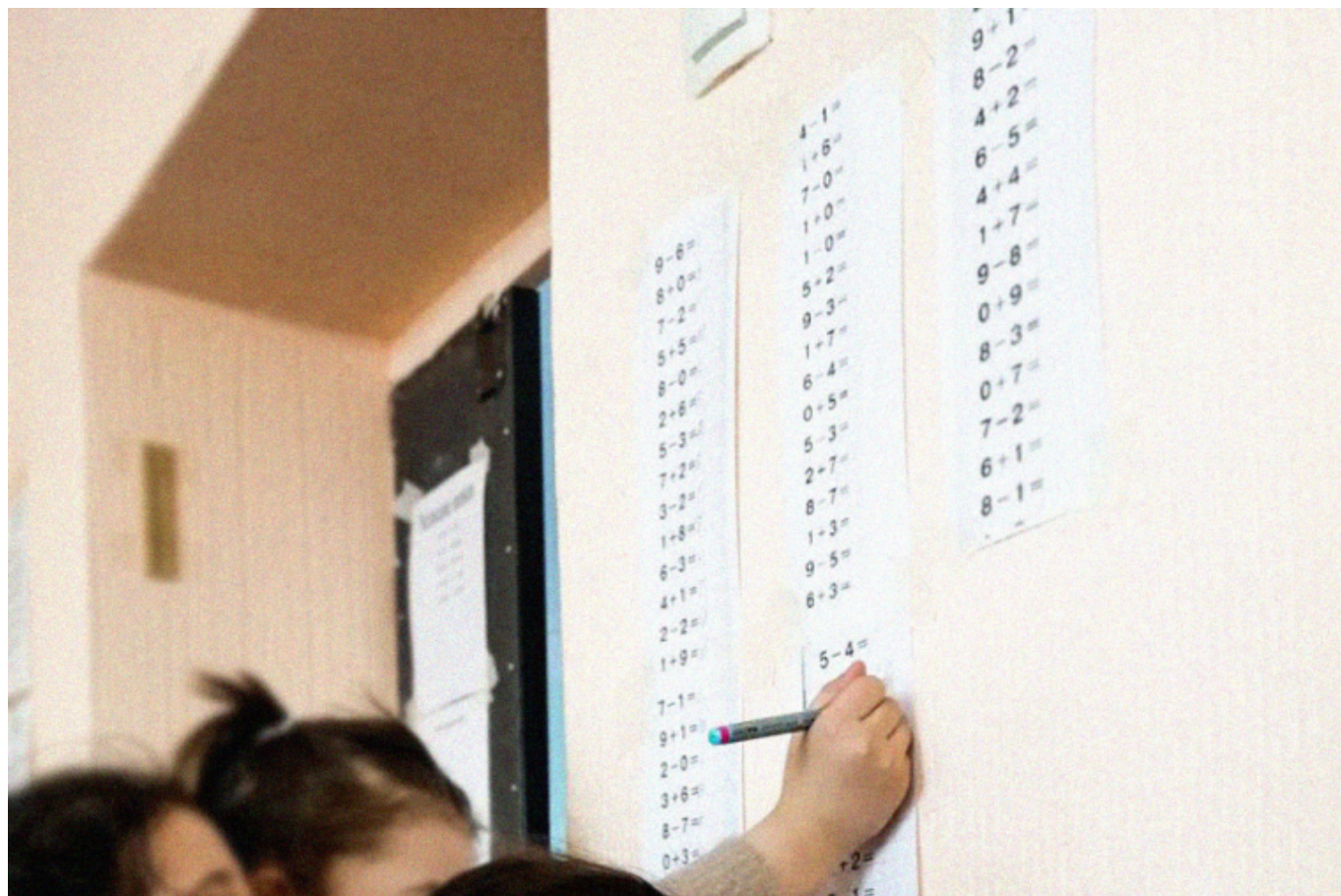
Публикация от МБОУ СОШ№1 г.Азова (@school1azov_official)

Анна, учительница начальных классов (Удмуртия — Черногория)

Я поступила на журналистику в Ижевск, но это было «не мое», и после окончания университета я искала способ стать учителем и попала на программу «Учитель для России». Я сама родилась в деревне в Удмуртии и поэтому понимаю, насколько важную роль для детей играет школа. Мне хотелось хотя бы немного повлиять на восприятие реальности детьми, и после окончания программы я поехала в маленький город Карабаново во Владимирской области. Там я два года работала учителем начальных классов.

Первого сентября оказалось, что мне дали класс из 40 учеников, причем часть из них не говорили на русском языке. Несколько дней мы учились в таком составе, а потом я уговорила руководство открыть второй класс. Как это обычно бывает, когда приходит новый учитель, на меня скинули все то, чем не хотели заниматься остальные учителя. Из 26 оставшихся в моем классе детей на русском языке говорили только 8. И даже у этих восьмерых были ОВЗ

[ограниченные возможности здоровья; так принято называть инвалидность в официальных документах. — Прим. ред.], то есть это были очень слабые дети. Не все из них могли писать свое имя, например.

Ученики начальной школы. Фото: личный архив героини.

У многих родители пили, у одного человека мама была с наркотической зависимостью, один ученик сказал мне как-то: «Мой папа сидит в тюрьме, когда он пил — бил маму». Мы очень много работали над дисциплиной, детям было сложно осознать себя в классе, потому что до этого они не ходили в садик. В итоге у меня получилось создать микромир, где было безопасно.

Правда, в первый же день группа родителей пришли ко мне с претензиями из-за того, что в классе с их детьми будут «нерусские», притом что часть родителей тоже говорили на русском языке с явным акцентом. Они имели в виду цыганских детей. В школе было большое неприятие к цыганам, будто они что-то, что мешает быть школе «нормальной». Приходилось много спорить, что отняло много времени и психического ресурса.

Интересы детей из моего класса нужно было постоянно отстаивать, причем не только когда другие учителя кричали на них. К примеру, в школьной столовой было правило давать детям второе только после того как ребенок доест суп и принесет пустую тарелку — вот тогда прямо в нее положат и второе. А суп был со свининой, которую многие дети не ели. Детям говорили: «Выдумали тоже, свинину они не едят! Живете в России, тогда живите по нашим правилам».

В день начала войны я ехала в школу на такси и плакала. Дети спрашивали меня про войну, и отвечать было непросто, все же они маленькие, и их родители в основном поддерживают войну. Я говорила детям, что плохо, что умирают люди, и единственное, что мы можем, — желать, чтобы война скорее закончилась, потому что никто не должен умирать.

В школе стали каждое утро ставить гимн России. Потом получили приказ — все школы в области должны были провести видеоуроки, пропагандирующие войну, и предоставить запись. Текст урока был в письме, там было про нацистов в Украине и вот это все. Некоторые мои

коллеги вынуждены были говорить детям, что «сейчас я буду говорить неправду, нам нужно записать видео», и только после этого включали камеру. Когда мне нужно было показать какой-то урок, я приклеила кусочек скотча на микросхему и сказала, что не получается подключиться к Интернету.

Но постоянно так делать не получалось. Школа — самое простое пространство для агитации. Скажешь детям выстроиться в букву Z, и они выстроятся.

Ученики начальной школы. Фото: личный архив героини.

Еще летом мы делали языковой лагерь для детей и придумали тему путешествий. Каждый день мы рассказывали про традиции каких-то стран. В один день мы изучали историю Америки и проходили маршрут от индейцев до современности. Мы повесили небольшой рисунок статуи Свободы на улице и забыли снять.

Вечером охранник позвонил в полицию со словами: «Сегодня они вешают статую Свободы, а завтра повесят бандеровский флаг». Благо, сотрудник полиции оказался адекватным и понял, что это детский лагерь. А охранник полчаса еще ругался и хотел, чтобы завели административное дело. В итоге он выбросил этот плакат.

Анна,

выпускница программы «Учитель для России», учительница начальных классов

До начала войны я не думала уезжать из страны. До работы в школе я не бывала за пределами Удмуртии, а моя мама лишь недавно съездила в Москву в первый раз. Уехать из России, оставить свою страну и мой класс — очень тяжелый выбор для меня. Мне кажется, что им очень нужна помощь. Теперь я буду работать в частной школе в Черногории с детьми, которые, может быть, не будут так нуждаться в помощи, как «мои».

Дети из моего класса еще маленькие, и они не до конца поняли, что я уезжаю. Мы попрощались, написали друг другу письма. Мне написали: «Анна Александровна, вы помогли мне выучить русский, теперь я могу на нем общаться и мне не страшно. Спасибо вам». Это было трогательно. Родители уговаривали остаться, даже плакали.

К тому же с наступлением этих страшных времен мне стало страшно за маму и бабушку. Мама по-прежнему живет в деревне с зарплатой 20 000 рублей. Я бы не хотела, чтобы они жили в нищете, и в том числе поэтому поехала зарабатывать деньги в другую страну. Сперва с семьей тоже было непросто разговаривать. Мои родные из глубинки, у нас даже Интернет появился только в 2015 году, а главный источник информации — это телевизор. Поэтому у них другая картина мира, и я не могу их винить в этом. Мы договорились не обсуждать войну.

Анна Зиндер, преподавательница английского (Санкт-Петербург — Иерусалим)

Анна Зиндер. Фото: личный архив героини.

Мы решили уехать сразу, как началась война, и планировали на сборы две недели. В итоге я собрала чемоданы за два часа, и мы улетели 4 марта, как и все, кто поддался панике после слухов о всеобщей мобилизации. Даже я военнообязанная, как мои муж и сын.

Раньше я думала, что пока могу работать в школе и говорить там, что думаю, буду оставаться в России. С началом войны я не могла говорить, только плакать. Плачущий учитель — довольно бесполезное существо. Учителю кажется, что все рухнет, если он уедет, — ведь кто же тогда будет говорить детям правду? Что если уйдешь ты, то придет кто-то другой, кто скажет, что

Сталин — эффективный менеджер. Это такая учительская мегаломания...

Я 30 лет преподавала в Аничковом лицее и 7 лет в частной школе неформального образования «Апельсин». Два противоположных места по целям. «Апельсин» — школа для всех, а лицей «только для умных». Я не могу представить, что в этих местах может появиться буква Z. В первые дни войны все [и учителя, и ученики. — Прим. ред.] пошли на демонстрации, кого-то задерживали, и никаких репрессий в школе по этому поводу не было. Все открыто подписали антивоенные письма.

Аничков лицей — это такая организация при бывшем дворце пионеров. Половина преподавателей нашей школы были наблюдателями на выборах. Мы были единственными, кому не нужно было фотографироваться на выборах и присылать отчеты. Нам даже не пытались предложить подобное. И в целом я знаю много учителей, которые ни за что бы не пошли на обман. Если ты учишь детей — у тебя должна быть совесть.

Две трети моей жизни прошли в школе и покидать ее — огромная боль. Увольнялась и писала прощальное письмо я уже из Анталии. По ответным письмам было ясно, что все меня понимают. Сейчас в Израиле мне помогают бывшие ученики с работой, жильем и всем остальным.

Я прилетела в среду, а уже в пятницу мы с коллегой придумали онлайн-школу для беженцев. К воскресенью у нас было 30 преподавателей и 60 детей.

Анна Зиндер,

преподавательница английского языка

Мы преподаем детям, потерявшим возможность учиться в своей школе, и не делим никого по национальностям. На мои уроки ходят три ребенка, которые находятся прямо в Украине. Ни разу никто не задал вопросов про войну, у нас очень бережные отношения. Дети приходят учиться даже в 9 утра в каникулы — это островок стабильности для многих. Но для нас большой праздник, когда дети уходят из школы — значит, они уже нашли постоянное место для учебы.

Григорий, школьный психолог (Москва — Болгария)

Я довольно долго работал в некоммерческом секторе с подростками, которых часто называют «трудными». Потом в нескольких школах психологом, а последние 5 лет руководил психологической службой одной из крупных московских школ. Я помогал детям, родителям и учителям разрешать сложности в образовательном процессе. Каждая сторона видит этот процесс по-своему, поэтому возникают противоречия. Мы очень много общались, посещали уроки, тусили с детьми на переменах, чтобы быть доступными и понятными для всех в школе. Еще я вел курс по психологии как предмету на выбор для старшеклассников.

Мы с коллегами старались сломать представление о школьных психологах как о людях, которые непонятно чем занимаются. Мы были максимально близко, чтобы все знали, что мы можем помочь разрешить проблемы. Учителям непросто всегда быть добрыми и понимающими, потому что их работа требует огромного ресурса. А психолог в школе — это человек, который озабочен прежде всего психологическим комфортом в сложном, загруженном и эмоциональном процессе обучения.

Мне не нравилось, что делает российская власть и то, как живут люди. Я не был активистом, но ходил на митинги, старался быть почти на всех. Иногда, правда, было слишком страшно, и я пропускал. В школе знали про мои взгляды, да и в них не было ничего особенного. Пока войны не было, а свободы оставалось все меньше, все же казалось, что еще можно что-то изменить.

Григорий,
психолог

После 24 февраля я сразу стал ощущать себя дискомфортно. В то утро я прибежал на работу и обнаружил, что в шоке вообще все. Постепенно стал чувствовать себя жителем Берлина в 1941 году — с одной стороны, я знал, что мы долго можем жить спокойно и над нами не будут летать бомбы; а с другой — я был в ужасе от того, как я скажу, что я русский, что будет с моими детьми, не станут ли они отрезанными от мира.

Довольно быстро стали уезжать дети, почти каждую неделю в классах становилось меньше учеников. Это было заметно. Учителя уезжали редко. Все же учителям непросто взять и уехать за границу, потому что найти работу нелегко.

Еще до войны были знаки, что нас пытаются заставить заниматься вредными вещами. К ним относятся квазиобязательное и псевдобровольное тестирование учеников на наркотики. Самая неприятная вещь, которой занимаются школьные психологи. Это было мучение — стараться сохранять добровольность и делать процедуру не унижительной.

Григорий,

Примерно через 10 дней я написал в Facebook, что впервые подумал, что надо уезжать. Я специально записал это, потому что это была новая для меня мысль. Мне нечего было бояться, мне просто было неважно. Я начал искать работу за границей и пришел в учительский чат, посвященный эмиграции.

Через месяц я нашел работу в международной школе и уехал из России. Моим детям сейчас 18 и 14 лет. После развода с супругой дети стали жить со мной. Когда я заговорил об отъезде, дети сказали, что останутся в России. Я принял это и сказал детям, что всегда их жду. У меня очень близкие отношения с детьми, они знают, что у них есть дом везде, где есть я или их мама.

Ученикам в школе я не сказал об отъезде, решил, что не стоит добавлять дополнительный тревожащий фактор. Возможно, кого-то я этим расстроил. Потом я написал нескольким ученикам и объяснил, что уехал из-за войны, и попросил обращаться к оставшимся в школе коллегам. С ними я тоже попрощался, и мы вместе искали нового руководителя психологической службы.

Я не уехал из «плохой» ситуации в «хорошую», у меня и здесь есть сложности — но тут я не ощущаю давления. К тому же в России образовательная система очень зависит от власти, поэтому она может быть сильно идеологизирована. В разных школах, конечно, свой дух, но в то же время есть что-то, что идет от департаментов, министерств образования, — с начала учебного года должны включать гимн и что-то там производить с флагом...

В нашей школе мы старались сохранить мир, но даже тогда было понятно, что это утопическое желание.